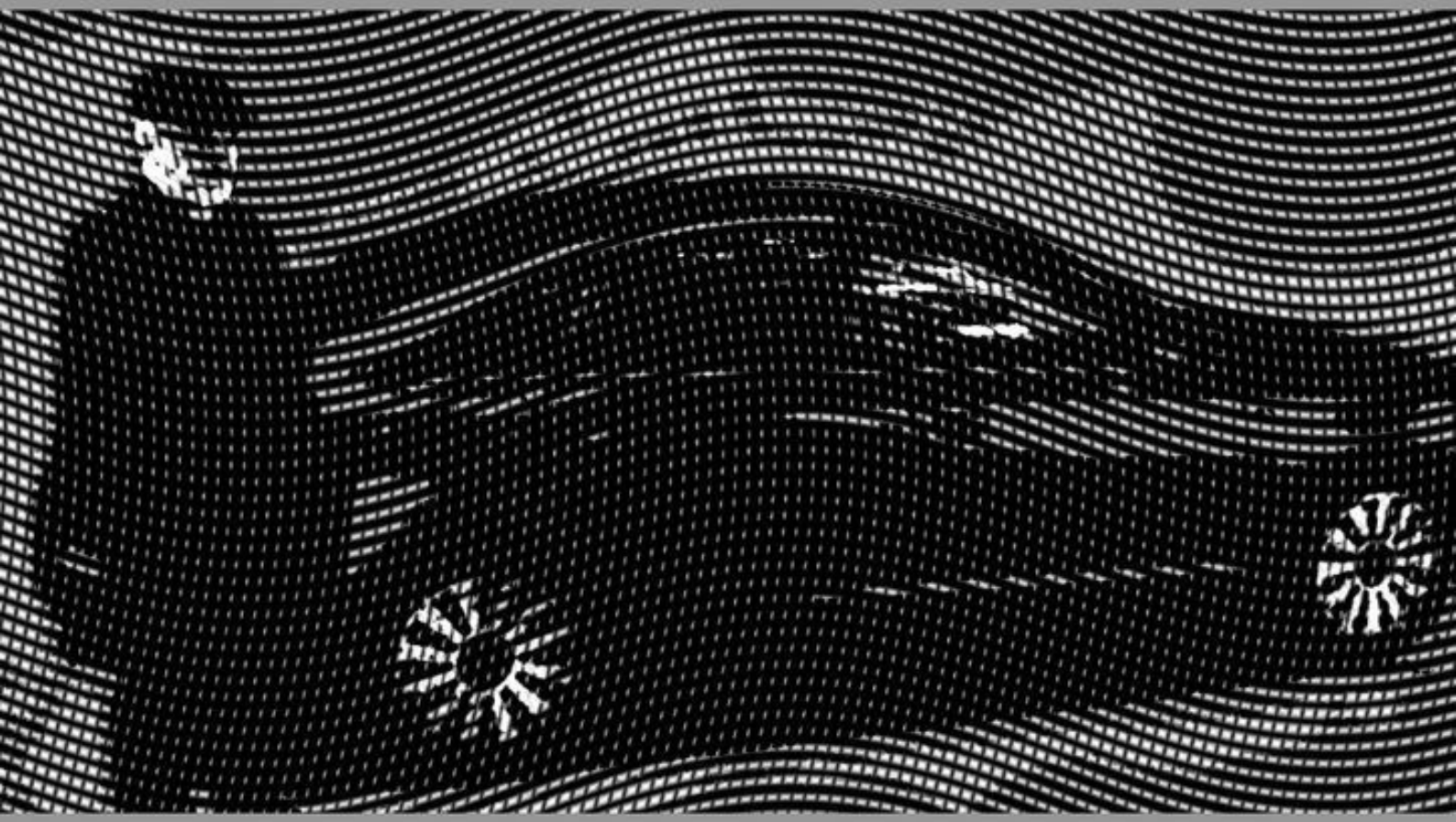
18+

Владимир Михайлович
Топтыгин



НОВАЯ СИЛА

Книга вторая

Владимир Топтыгин

Новая сила. Книга вторая

«Издательские решения»

Топтыгин В. М.

Новая сила. Книга вторая / В. М. Топтыгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-625827-3

Иногда в жизни случаются такие события, о которых лучше забыть, никогда не вспоминать или притвориться, что их никогда не было… Подобные воспоминания есть и у подполковника милиции Серова…

ISBN 978-5-00-625827-3

© Топтыгин В. М.
© Издательские решения

Содержание

5. СТРАШНЫЙ СОН 6
ГЛАВА 6. ДРУГАЯ ЖИЗНЬ 22
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Новая сила
Книга вторая

Владимир Михайлович Топтыгин

© Владимир Михайлович Топтыгин, 2024

ISBN 978-5-0062-5827-3 (т. 2)
ISBN 978-5-0062-0974-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

5. СТРАШНЫЙ СОН

…Совсем уже поздняя весна окутала город своими теплыми объятиями и запахами распускающихся цветов и деревьев. На улице только стемнело и, избавившись от спешащих домой прохожих, улицы перестали напоминать растревоженный муравейник, став просто очаровательными в своей естественной и умиротворенной красоте.

Владимир не спеша бродил по уютным и узким улочкам своего родного района, вдыхая чуть прохладный воздух, наполненный чудесным благоуханием цветения. Наслаждаясь – и воздухом, и едва различимыми запахами, наполняющими этот воздух, и собственной неспешной походкой, и пружинящей силой, наполнявшей его молодое и здоровое тело, молодой человек, потеряв счет времени, прогуливался по уже почти ночной столице.

И то ли от того, что в жизни все было настолько замечательным, то ли от пьянящего свежего и благоухающего воздуха, ему хотелось прыгать, прыгать до самого неба, делиться своим счастьем со всеми окружающими его людьми. И пусть навстречу попадались лишь редкие прохожие, выгуливающих вечером своих четвероногих лохматых друзей, Владимиру казалось, что даже дома, словно живые существа, смотрящие на него бесчисленным количеством своих глаз – светящихся окон, со всеми жителями, находящимися в их уютной утробе, обязательно чувствуют хотя бы частичку того же счастья, что сейчас ощущает он.

В данный момент у него не имелось абсолютно никаких сомнений в том, что встреть он какого-нибудь, самого хандрящего человека – неважно знакомого или нет, он словно источник неиссякаемой и жизнеутверждающей энергии сможет зарядить и исцелить его. И осознание того, что помочь этому человеку он сможет, причем – обязательно сможет, делало его еще более счастливым.

«Никаких сомнений – ведь все и всё в этом мире связано, между всеми нами натянуты бесчисленные невидимые нити, не дающие людям, да и вообще всему живому, а живое в этом мире все, разойтись слишком далеко. И когда кому-то нужна помощь или просто внимание, именно через эти связующие всех нити можно почувствовать это и поступить соответственно. А потом уже добро, пройдя, возможно очень долгий путь, непременно попадет туда, где его ждут, и жизнь станет лучше и справедливее».

…Справедливости ради, стоит сказать, что подобное приподнятое настроение нашего главного героя было вызвано вполне земными личными радостями, но вполне заслуженными.

Во-первых, прошедшие несколько дней назад крупные межклубные соревнования по каратэ выявили нового победителя, опередившего всех своих соперников с явным превосходством. Двадцатиоднолетнему Владимиру Серову почетно вручили все полагающиеся грамоты, поздравили со столь выдающимися успехами и прочили дальнейшие и еще более радужные. И хотя полученные на соревнованиях «синяки» и ушибы еще побаливали, испортить вкуса первой серьезной победы они никак не могли.

Переполнявшее ощущение радости и гордости объяснялось еще и тем, что словно в кино, его победу видели его близкие друзья – Лешка Соболев, его подруга Инна и Лешкина сестра Татьяна, в которую Владимир был по уши влюблен.

Давным-давно, когда четырнадцатилетний Володя только пришел в секцию каратэ, более старший Соболев приметил его и стал подучивать отдельно.

Со временем они сдружились, став лучшими друзьями, и по прошествии нескольких лет предприимчивый Соболев, открыв свою фирму, пригласил Владимира к себе на работу. Дела во вновь созданной конторке, паче чаяния, шли в гору, и молодые люди стали получать серьезные для своего возраста деньги.

Искренне радуясь победе своего младшего друга, коллеге, а возможно вскоре и родственника, Алексей Соболев подарил ему немного-немало.. – машину. И это было весомое «во-вторых».

«Леха, дружище, а ты на чем будешь ездить? Она тебе нужнее», – с улыбкой вспомнил Владимир свои слова, когда они только что вышли из дверей спорткомплекса и Алексей с серьезным, почти отеческим выражением лица, протянул ему ключи от вазовской шестерки: «Держи, брат, теперь это твое. Не новая, конечно, но меня, сам знаешь, никогда не подводила. К тому же и я пешком не останусь». Леха по-заговорщитски прищурился и извлек из своего кармана еще одну связку ключей. Припаркованная рядом с белой Лехиной «шестеркой» синяя «девяносто-девятая» призывно мигнула фарами.

В тот момент Владимир только открыл от удивленья рот и не в силах вымолвить хоть что-нибудь, просто обнял своего друга, а потом сгреб в свои объятья и Инну с Татьяной…

Бесспорно, это бы самый счастливый день в его жизни – ведь самые лучшие моменты происходят, когда рядом самые близкие и любимые друзья…

Третьей причиной блаженного состояния Владимира являлось то, что завтра ему предстоял вояж на вновь приобретенном автомобиле в подмосковный дом отдыха, где Алексей с Инной уже отдыхали, а еще через день туда приедет Татьяна, и они пару деньков будут жить вместе. Представляя ее теплые и ласковые руки, Владимир улыбался от удовольствия, а его уже и без того опьяневший от эндорфинов мозг, рисовал перед ним все более заманчивые и заманчивые события…

Волнующее завтра наступило со сказочной быстротой.

Владимир, как и положено, законопослушному водителю, катил разрешенные 90 километров в час, переполняемый, как и вчера вечером, чувством безграничного счастья. Высоко в ясном голубом небе светило солнышко, заставляя его щуриться словно объевшегося сметаной кота, а дорога тем временем близилась к своему завершению. Его воображение живо рисовало перед мысленным взором картины их совместного времяпрепровождения – вот он приедет, они с Лехой обнимутся так, как будто не виделись лет пятьсот, Инна поцелует его в щеку и будет шутить, чтобы Леха ее не ревновал. У Лехи тем временем наверняка уже готов импровизированный мангальчик, на котором будут жариться шашлык и сосиски. За его – Владимира – победу и за Лехину «девяносто девятую» они выпьют привезенного им шампанского, а потом будут цедить красненькое. Хорошо бы, если поблизости окажется речка или озерцо и ближе к вечеру они пойдут купаться…

Вот уже он бодро шагает по дорожке, ведущей к отдельно стоящим маленьким домикам отдыхающих. В одной руке зажата та самая бутылка шампанского, которая скоро будет открыта под аплодисменты Инны, а в другой он несет пакет с подарком для друга – Алексей очень любит яблоки и много их никогда не бывает.

До домов идти метров триста-четыреста – немного, но ухабистая дорожка не позволяет идти еще быстрей, хотя хочется просто бежать. В какой-то момент он замечает троицу парней, торопливо идущих ему навстречу. Когда до них остается не более пятнадцати метров, Владимир понимает, что сегодняшний хороший день может быть испорчен неприятным инцидентом с этими молодыми людьми.

Судя по виду, они – та самая доморощенная братва, на которую все сейчас так хотят быть похожи. Расхлябанная, вызывающая походка, дорогая одежда, отсюда еще не видно, но наверняка наглый сверлящий взгляд. Скорее всего, черный лакированный «Мерседес», рядом с которым Владимир оставил свою машину – их. Когда между ним и встречными остается метров пять-шесть, становится ясно, что конфликта не избежать – «браток», идущий посредине в своей компании, лысый, словно колено, резко направляется в его сторону:

– Алё, гараж! Стоим, боимся!

И бояться его, откровенного говоря, стоило бы.

– Чё вылупился, фраерок?! Предложи дяденьке шампусика! – лысый стоял уже от него в полутора метрах.

– Ребят, я своей дорогой иду, вы своей идите, – попытался сгладить Владимир.

– Пойдешь, когда я тебе разрешу, – лысый толкнул его ладонью в грудь, отчего он отшатнулся. Двое других в это время стояли чуть поодаль и в назревающем конфликте никакого участия не принимали.

Поняв, что драки избежать не удастся, Владимир аккуратно поставил пакет с яблоками и шампанское на землю и поднял руки, принимая боевую стойку.

Лицо лысого изобразило тупую ухмылку: Каратист что ль?! Откуда вас столько повылазило?

С этими словами он полез рукой под одетую на нем легкую куртку-ветровку, а у Владимира в районе солнечного сплетения в одно мгновение возник огромный снежный ком, и внутри все похолодело.

А дальше, словно в замедленной съемке, он видит, как у бритого братка из-под ветровки выплывает показавшийся ему чудовищно большим черный пистолет. Рука с пистолетом медленно поднимается и вот уже огромное, кажущееся бездонным дуло смотрит прямо на него. В его голове словно смерч проносятся тысячи мыслей, предлагающие тот или иной вариант действий, но тело, будто парализованное, не позволяет ему даже моргнуть.

– А против этого блок у тебя есть, фраерок? – рожа бандита перекошена дикой злобой, но еще страшнее его глаза – в них Володя не видит и толики сомнения в том, что братку ничего не стоит нажать на спусковой крючок, как он делал наверняка уже не единожды.

Липкий страх уже полностью владеет его душой, а по коже спины одно за одним как будто льются ведра горячей воды. Самой ужасным открытием его сознание наполняет понимание того, что сделать он ничего не успеет – бессмысленны все попытки – и выстрел прозвучит раньше, чем он сможет сделать хоть полшага навстречу врагу. Все приемы против человека с пистолетом, что виделись на тренировках такими эффективными и безотказными, сейчас кажутся лишь изощренной формой самоубийственного прыжка навстречу пуле. Удары сердца набатом звучат в его ушах, и кажется, что и лысый слышит этот трусливый грохот…

Кажется, что прошла почти вечность, а не считанные секунды, прежде чем к лысому подбежали его друзья. Тот, который повыше, оказался проворнее и, схватив руку лысого, сжимающую оружие, отвел ее в сторону от белого, как мел, Владимира:

– Тебе на сегодня приключений на жопу мало? Глобус, ты совсем рехнулся, придурок?!

Пока высокий отчитывал Глобуса, заставляя его убрать «ствол» и оставить в покое «фраера офигевшего», третий бандит подошел к Володе, все еще продолжавшему стоять в боевой стойке, и приказным тоном велел забирать свое барахло и сваливать отсюда подобру-поздорову.

Под его же напутствия забыть глупую шутку их приятеля и никому о ней не рассказывать, Владимир поднял с земли свои вещи и спешным шагом удалился под выкрики Глобуса, который якобы хотел встретиться с ним еще раз.

Он шел, часто оглядываясь и боясь, что братки передумают его отпускать и застрелят в спину, и спустя пару минут после инцидента его начала колотить крупная дрожь.

Но опасная троица уже явно позабыла про него – они шли в противоположенном направлении, все более и более удаляясь.

Сказать, что его праздничное настроение было испорчено окончательно – значит не сказать ничего. В его сознание, которое понемногу приходило в свое обычное состояние после пережитого шока, словно настырные попрошайки стучались сразу несколько мыслей; они старались перебить друг друга, словно выкрикивая персональные доводы, доказывавшие собственную правоту.

Одна из них, негодуя, кричала о том, что Владимир только что чуть было не расстался с собственной жизнью, в чем сам во многом и был виноват. По ее мнению, только заметив нападавших, которые еще не стали на тот момент нападавшими, нужно было сворачивать и обойти их десятой дорогой.

Другая мысль навязывала своему хозяину мысль о том, что он трус, каких свет еще не видывал. Заранее понимая агрессивность шедших ему навстречу молодых людей и, соответственно, неизбежность стычки, он пытался что-то там еще уладить мирным путем, а потом, стоя под дулом пистолета не смог от страха сделать ни единого движения. А хуже того, даже после того, как потенциального стрелка стал сдерживать его приятель, он – Владимир не пытался отстоять в честном бою свою замаранную честь, а поспешил с места ретироваться, как и велел ему в грубой форме третий браток.

Столь же ужасна была и третья мысль, которая, как и критики карате, шептала ему о том, что все то, чему его учили в зале – полная чушь, годящаяся лишь для позерства на татами.

В добавок к этому несносному трио его продолжало колотить от страха, лишний раз подтверждая правоту всех этих мнений.

Дойдя на плохо подчиняющихся ему ногах до домика с нужным номером, Владимир не постучав, как это планировал еще минут двадцать назад, сразу же зашел внутрь. Домик, как и рассказывал ему Алексей, уже не раз отдыхавший в этом санатории, состоял из трех помещений: прихожая, в которой он сейчас находился, органично перетекала в некое подобие кухни, где стоял обеденный стол, почему-то неаккуратно придвинутый сейчас к посудному шкафчику. Пройдя через это помещение, он сразу же уперся в две рядом расположенные двери, ведущие в спальные комнаты.

Шоковое состояние не позволило ему с первого взгляда увидеть бросающиеся в глаза детали, указывающие на то, что в домике что-то не так. Рванув «правую» дверь и зайдя внутрь спальни, Владимир не сразу смог поверить в реальность увиденного им. Вытаращившись на ужасную картину он несколько секунд стоял и оглядывая то, что открылось его взору; пакет выпал из его рук, отчего красные шарики яблок раскатились по залитому кровью полу.

Не отдавая себе отчет, Владимир отчего-то очень осторожно пристроил шампанское на журнальном столике, хотя было уже понятно, что игристый напиток останется сегодня в этой компании невостребованным.

То, что он видел, не поддавалось никакому описанию. На большом двуспальном ложе лежала Инна; знакомое Владимиру зеленое платье, которое она любила надевать по каким-то торжественным случаям, было изодрано в лохмотья и местами было пропитано чем-то бурым. То, что осталось от зеленой материи уже нисколько не скрывало интимные места молодой девушки, была видна грудь, а бесстыдно расставленные в стороны ноги открывали вид ее истерзанной издевательствами промежности. У нее в ногах валялась обильно измазанная кровью в районе донышка пустая бутылка из-под пива, что красноречиво свидетельствовало о том, что насильники творили со своей жертвой.

На кресле рядом с кроватью неподвижно сидел мужчина, и то, что это его любимый друг Леха, Владимир смог определить лишь по одежде, в которой находился сидящий человек. Его лицо было неузнаваемо и представляло собой сплошное кровавое месиво, джинсы ниже колен на обеих ногах были насквозь пропитаны кровью, которая все еще продолжала капать на пол рядом с его ступнями.

Не осознавая реальности происходящего, Владимир дрожащим от волнения и слез голосом позвал обоих по именам. Не дождавшись ответа, он осторожно, боясь словно причинить своим близким еще большую боль, подошел к изголовью кровати и холодными от ужаса пальцами пощупал пульс на руке Инны. Все его попытки обнаружить хотя бы слабые толчки в венке на ее тонком еще теплом запястье оказались тщетны.

Уже не веря, что Леша может быть жив, он пощупал пульс и на его руке; не поверив сразу же своим ощущениям, он несколько раз отпускал и снова трогал его руку, боясь ошибиться. К счастью, пульс был. Прислонившись к руке своего друга, Володя зарыдал в голос.

Неизвестно сколько бы он так плача просидел на полу, но тут в его мозг врезалась первая и четкая мысль: «Скорую!!!»

Расстояние, отделявшее домики от административного здания, он бежал так, как не бегал никогда ни до, ни после. По пути он несколько раз падал, пачкая и раздирая свою одежду, поэтому, когда Владимир очутился в кабинете какого-то ответственного лица, он напоминал скорее какого-то умалишенного, только что сбежавшего из психбольницы…

Происходившее дальше было скорее страшным сном, чем реальностью его жизни: приезд милиции и скорой помощи, осмотр того, что стали называть местом происшествия со всё также лежавшей неподвижно Инной, огромная кровяная лужа около кресла, где сидел Лешка. Потом его, скорее невменяемого, чем осознающего происходящее, на тряском милицейском «бобике» отвезли в райотдел, где на протяжении всего вечера и ночи разные люди задавали множество вопросов, повторяющихся от раза к разу.

Его пичкали кофе и крепким чаем, подсовывая то и дело сигареты, которые он курил, вдыхая их горький и противный дым. Одни из беседовавших с ним были грубы и кричали, отвешивая время от времени ощутимые подзатыльники, но тут же появлялись другие – вежливые, которые говорили мягким и вкрадчивым голосом, протягивая очередную чашку чая и сигарету.

Ближе к утру у Владимира «откатали» пальцы и долго в его присутствии совещались – следует ли забирать одежду. Порешив, что этого не требуется, один из «вежливых» велел ему отправляться восвояси.

Выйдя из здания отдела, Владимир встретил Татьяну, которая, как он потом узнал, тоже была привезена в милицию, а после краткой беседы дожидалась его на лавочке.

…Всю следующую ночь напролет они любили друг друга; их секс был бурным, наполненный почти животной страстью, а в промежутках они беседовали, утирая друг другу слезы безмерной горечи. Горе, навалившееся в одночасье на них обоих, сделало их до бесконечности близкими людьми.

…Алексей Соболев скончался в реанимации на четвертые сутки, на следующий день после похорон Инны.

Татьяна, осталась совершенно одна; их родители погибли в аварии за два года до этих грустных событий. Владимир своим родителям, находившимся перманентно в алкогольном дурмане, был не нужен и не интересен; оставшись у Тани на одну ночь, он уже не уезжал от нее, считая ее своей единственной и истинной семьей.

Без Алексея фирма работала еле-еле; на тренировки Владимир ходить перестал, проводя это время в бесцельном шатании по улицам. Заехав как-то в отдел милиции, в котором его с пристрастием допрашивали всю ночь, от одного из оперуполномоченных, который играл роль «злого полицейского» он узнал подробности произошедшего.

Как оказалось, колени у Алексея были простреляны из пистолета, отчего и было так много крови, его жестоко избивали, но сопротивления он почему-то не оказал. Инну изнасиловали всеми возможными и невозможными способами, в том числе и бутылкой, вследствие чего она умерла от болевого шока и полученных повреждений. Мотивов преступления выяснить не удалось, как и подонков его совершивших, которых, как предполагала милиция, было не менее двоих.

В заключение беседы опер совсем по-отечески пособолезновал Владимиру, сказав на прощанье: – Держись, парень, не падай духом. И это… ты на меня зла не держи, работа тут такая, сам понимаешь.

– Скажите, а Вы их искать-то хоть будете? – с искренней надеждой поинтересовался Володя.

– Ищем и будем искать пока не найдем этих сволочей, – пообещал бывший «злой полицейский».

На следующий день Владимир приехал в больницу, где недавно умер его друг. Цель своего визита он не мог объяснить себе сам, но ему почему-то казалось очень важным побеседовать с врачом, который находился рядом с Алексеем в последние часы и минуты его жизни.

Врач – худосочный мужчина неопределенного возраста сначала отнекивался и пытался отвертеться от неприятного разговора, но потом согласился уделить Володе пять минут во время перекура.

Пока они курили – а Владимир к этому времени стал курить уже почти постоянно – он задавал врачу массу вопросов. Эскулап старался отвечать односложно, но выяснить удалось примерно следующее: помимо огнестрельных ран в ноги у Леши была тяжелая черепно-мозговая травма, которая, по мнению доктора, который тридцать три раза оговорился, что он не эксперт и утверждать наверняка ничего не может, произошла в результате того, что его били кастетом.

– Скажите, доктор, а если бы его привезли в больницу раньше, хотя бы на час раньше, он бы выжил? – не унимался Владимир.

– Послушайте, молодой человек, я Вас понимаю, ведь то, что произошло – это горе, страшное горе. Сейчас вообще страшное время, я почти каждый день вижу порезанных и расстрелянных молодых людей, их привозят на «скорой», привозят их же товарищи на неприлично дорогих машинах, а некоторых просто подбрасывают к дверям больницы. Все они молоды, но далеко не всех их удается спасти. Перестаньте жить прошлым и цепляться за воспоминания, которые уже не вернуть…

– Ну если бы его привезли раньше, были бы шансы?

– Если Вы действительно хотите это услышать, то слушайте: если бы Ваш друг выжил, то его ждало бы незавидное будущее. С перебитыми коленями он бы едва ли мог нормально ходить, это были бы не ноги, а негнущиеся ходули. А с учетом полученной черепно-мозговой травмы он уже бы не был тем человеком, которым Вы его знали: амнезия, нарушения речи, неспособность контролировать себя – это лишь малая часть того, что ждало бы его в оставшейся части жизни. Поверьте, как бы грубо и кощунственно это не звучало, ему гораздо лучше там, где он есть сейчас, чем могло бы быть здесь. Тот, кто сделал это с ним – форменные изверги, не оставившие ему ни единого шанса на выздоровление. Поэтому час или два времени разницы в поступлении в больницу роли абсолютно никакой роли не сыграли бы, – врач вздохнул и замолчал, глядя на своего собеседника полными сожаления глазами.

– Доктор, скажите, а он приходил в себя, может, говорил что-то? – Владимир словно пытался своими вопросами хотя бы ненадолго воскресить Алексея.

– Нет, не приходил. Он повторял имя «Инна» и что-то типа «глобус» или «тубус», – не прощаясь, доктор повернулся и ушел.

Пока Володя докуривал свою сигарету, смотря в след шагающему прочь доктору, его мозг уже работал с быстротой мощнейшего компьютера. Многие детали, на которые он поначалу не обратил внимания, сложились в единую мозаику. Во-первых, его друзей зверски убили те самые братки, которые до смерти напугали его самого; во-вторых, как сказал лысый – Глобус – что-то типа «ты тоже что ль каратист», а это означает, что он уже имел честь задираться в этот же день к какому-то другому каратисту – то есть Алексею; в-третьих, у него был настоящий пистолет – не Бог весть какая редкая вещь по нынешним временам, но на каждом углу уж точно не валяется.

С этими вестями он не медля ни минуты помчался к оперу, надеясь, что его информация выведет милицию на преступников и те будут задержаны и подвергнуты заслуженному жесто-

кому наказанию. Рассказав все, что знал, Володя ожидал, что как в кино, милиционер даст команду на выезд группе задержания и уже через полчаса злодеев привезут в отдел, но вместо этого, тот тяжко вздохнул, поблагодарил за неоценимую помощь следствию, и как доктор, не попрощавшись, ушел.

Все попытки Владимира выяснить в дежурной части отделения хоть что-либо оказались тщетны. С понурой головой он побрел к подаренной Лешкой «шахе», с горечью осознавая, что от милиции ждать толку – что от козла молока, и эта троица будет еще долго расхаживать по улицам, грабя, убивая и насилуя ни в чем не повинных людей.

По пути домой он много думал, и, выходя из машины у Татьяниного подъезда он был уже совсем другой человек, в отличие от того, который садился в автомобиль у отделения милиции.

Жизнь уже не казалось ему таким радужным и светлым событием. Уже не верилось в то, что существуют те ниточки, связывающие всех людей и живых существ в единый организм; из него так легко и просто выпадали очень хорошие люди, может одни из лучших, но этого никто не чувствовал и не осознавал. И даже те, которые узнавали об этом трагическом событии, оставались безучастными и бездеятельными, не делая абсолютно ничего, ни по совести, ни в соответствии со служебным долгом.

Что ж! Если в этом мире нет справедливости и нет равновесия, он вернет его сам, став орудием жестокой мести. И чтобы ни происходило потом, чтобы ни случилось лично с ним, он не остановится на полпути своего возмездия.

Несколько дней были затрачены на то, чтобы узнать через знакомых и знакомых их знакомых о местах, где имеет обыкновения собираться доморощенная братва. Попытки аккуратно выяснить что-либо о лысом Глобусе успеха не принесли, но удалось выяснить адреса нескольких ресторанов, где свои нечестные деньги просаживали ублюдки, считавшие себя хозяевами чужих жизней.

Еще около месяца ушло на то, чтобы с завидной периодичностью наблюдать за указанными ему адресами в попытках заметить знакомых ему персонажей. И пока праведная ненависть еще кипела в нем, и надежда на скорое отмщение еще ни иссякла до конца, здравый смысл уже начинал подсказывать о несбыточности его кровожадных желаний.

Возможно, через недельку-другую он прекратил бы попытки разыскать убийц своего друга, и вся дальнейшая жизнь сложилась бы по-другому, если бы в один из вечеров он не заметил бы знакомую лысую голову. Как обычно сидя неподалеку от ресторана в своих Жигулях, он в очередной раз услышал вызывающе дерзкий хохот и матерщину братков, выходивших из ресторана по своему обыкновению в изрядной степени подпития.

Больше похожий в своих пьяных кривляньях на обезумевшего орангутанга, Глобус вперемешку с матом выкрикивал поздравления какому-то здоровяку, неверной походкой спускавшемуся с парадной лестницы ресторана. Несмотря на то, что все братки, пожалуй, за исключением упомянутого здоровяка, вели себя нагло и развязно, Глобус умудрялся отличаться от всех них еще в более худшую сторону.

Владимир понял, что братки провожают своего крупного именинника; вульгарные прощания и братания заняли почти десять минут, но вскоре вся кодла, несмотря на состояние изрядного подпития, расселась по машинам за руль и разъехалась кто куда. Особенно радовало то, что Глобуса с собой взять никто не пожелал, и, оставшись один на площадке перед рестораном, он озабоченно крутил головой туда-сюда, видимо, раздумывая, что ему делать дальше.

Когда в его бритой голове, наконец, созрело какое-то конкретное решение, он смачно сплюнул на асфальт, прокричал что-то неприличное по своему звучанию и, вероятнее всего, лишенное здравого смысла по сути, и пошел ловить такси. Когда Глобус с видом большого начальника залез в какой-то старенький «Москвич», Владимир плавно тронулся вслед за ними.

Водитель «Москвича» ехал очень стараясь соблюдать все правила дорожного движения, скоростью не злоупотреблял, и катиться за ним на небольшом расстоянии труда не состав-

ляло. Миновав кольцевую дорогу, «Москвич» продолжал двигаться в сторону подмосковной Балашихи. Попетляв по узким улочкам небольшого города, водитель остановился у старенькой пятиэтажки.

Владимир припарковался метрах в пятнадцати позади и спешно потушил фары – привлечь к себе внимание было бы совершенно излишним. Сердце его колотилось в бешенном ритме от поступившего в кровь адреналина. Несколько секунд ничего не происходило, но вскоре стало понятно, что в салоне «Москвича» происходит какая-то возня. Почти сразу же пассажирская дверь автомашины открылась и до слуха Владимира донеслась бранная речь «Глобуса», который пытался вылезти из легковушки:

– Какие еще деньги, петух ты старый! Ты че, не врубаешься кого ты вез?! Вали отсюда, пока я тебе башку не прострелил, дебил!

Несчастный водитель, решив, видимо, не испытывать судьбу надавил на газ, и, спустя несколько мгновений, его машина скрылась за углом дома.

Сердце в Володиной груди тут же взвинтило темп еще выше. Страх перед опасным и злым противником перемешивался с ледяным вихрем ненависти, бушевавшим в его душе. Вот он, тот момент, которого он так долго ждал – один из уродов, убивших Алексея и Инну, сейчас в каких-то паре десятков шагов от него, и рядом нет ни случайных свидетелей, ни его дружков! Никто не помешает расправиться ему с «Глобусом», совершив свою месть и восстановив жизненную справедливость.

Но есть вероятность, что лысый застрелит его, и никому легче от этого не станет: друзей уже не вернуть, а Татьяна останется совершенно одна. Но если он позволит сейчас ему спокойно зайти в свой подъезд и дальше жить своей преступной и аморальной жизнью – как потом смотреть в глаза собственному отражению в зеркале? Он со своими дружками жестоко убили его любимых и родных людей, не чувствуя при этом никаких сомнений и угрызений совести – и неужели можно оставить эту мразь дальше спокойно ходить по земле?!

Остатки чувства самосохранения истошно кричали Владимиру о неизбежности сесть в тюрьму за убийство «Глобуса», а еще хуже того – попасться в лапы его дружков-подельников и разделить участь Алексея; но их истеричные голоса тонули в зычном набате ненависти и злобы. Заставив себя невероятным усилием воли спешно вылезти из машины, Владимир моментально перешел на бег, догоняя шедшего нетвердой походкой в сторону подъездной двери братка. И как только это решение было принято, все внутренние голоса оставили его, погружая его душу в бушующее море ненависти.

Приближение бегущего за ним человека тот заметил слишком поздно и успел только повернуться к нему лицом. Кулак Владимира в бешеном ускорении впечатался в подбородок лысого, моментально отправляя его в черную пучину беспамятства. Застыв на секунду над поверженным врагом, Владимир огляделся по сторонам. Случайных прохожих нигде не было видно; дом смотрел на него темными, словно мертвыми, глазницами окон, лампочка над входной дверью в подъезд светила слишком тускло, еле-еле отвоевывая у темноты кусочек асфальта в пару метров. Присев на корточки рядом с лежавшим навзничь «Глобусом», Владимир принялся обшаривать его карманы: смятые в беспорядке многочисленные купюры, импортные жвачки, раскладной нож-выкидуха – набор джентльмена с большой дороги. Самой последней и главной его находкой оказался пистолет, небрежно засунутый за пояс брюк. Еще раз оглядевшись по сторонам, Владимир убрал оружие также за пояс, где уже нашел свое новое пристанище ножик бандита. Взвалив не успевшего еще придти в себя «Глобуса», Володя дотащил его до машины и загрузил в багажник. Везти его в салоне показалось слишком рискованным, поскольку можно было не заметить момент пробуждения вовремя.

Закончив с погрузкой живого еще пока груза, Владимир, не включая фар, отъехал от дома в поисках подходящего для его черного дела места. Минут через десять он увидел темную стену леса, уходившую вдаль насколько могли видеть глаза. Остановившись почти

у самых деревьев, Володя, вооружившись фонариком, подошел к багажнику своего автомобиля. Судя по звукам, лысый успел уже очнуться и теперь пытался выбраться из заточения. Открыв крышку багажника, Володя снова несколько раз ударил Глобуса по бритой голове, вновь отправляя в сон без сновидений.

Через несколько минут все приготовления были закончены, главные герои находились на своих местах, готовые разыграть финальную сцену их короткого общения. Глобус сидел привязанный на земле около одного из деревьев, а Владимир, приготовив все необходимые для неприятной беседы предметы, находился около него, ожидая пробуждения.

Не заставив себя долго ждать, Глобус открыл глаза, щурясь от направленного в лицо луча фонарика:

– Убери свет, падла.

Владимир направил луч на свое лицо:

– Узнаешь меня?

– Узнаю, ты – покойничек! – с агрессией выкрикнул лысый, но тут же замолчал от полученного увесистого удара под ребра.

– Еще раз спрашиваю: узнаешь меня?

Глобус внимательно посмотрел на освещенное лицо своего палача и отрицательно мотнул головой.

– Тогда напомню тебе, сволочь, – голос Владимира дрожал от избытка чувств: с месяц назад в Монино ты грозил мне пистолетом, с тобой были еще два твоих приятеля…

– Ах ты, фраер, сучка… очередной удар не позволил лысому высказать свое неудовольствие в полной мере.

– Я не закончил, тварь. Хуже всего то, что вы убили моих друзей – парня и девушку, а девушку еще и изнасиловали.

– Ты не вкуриваешь что ли, фраер, за то, что я так здесь сейчас сижу, тебя найдут и поимеют еще хуже той сучки… целый град ударов заставил зайтись Глобуса в болезненном кашле.

Откашлявшись, Глобус выдохнул:

– Все, падла, ты не жилец.

Поняв бессмысленность разговоров с бандитом, Владимир засунул ему в рот промасленную тряпку, заранее принесенную из машины, и вытащил из-за пояса нож.

Глаза Глобуса округлились сразу же, как Владимир загнал почти все лезвие в его ногу; второй, третий, четвертый, пятый удар – лысый лишь глухо мычал и мотал головой.

– Ну что, говорить будешь, или потрошить тебя начать?

Как только кляп покинул рот Глобуса, он запричитал уже совершенно другим – испуганным и дрожащим голосом:

– Не надо, не убивай меня, пожалуйста, я все скажу! Только, пожалуйста, не убивай…

Через полчаса Владимир знал чудовищную историю убийства его друзей. Глобус вместе с двумя своими подельниками заметили Алексея и Инну, возвращавшихся с прогулки. Догнав их около дома, и веря в свое численное превосходство, они решили сначала избить Алексея, а потом уже изнасиловать Инну. Получив отчаянное сопротивление и пару хороших затрещин, Глобус приставил пистолет к голове Инны, вынудив тем самым Алексея сдаться. Именно его сопротивление взбесило бандитов больше всего. Его «вырубили» и усадили в кресло. Пока двое следили за ним, Глобус насиловал Инну, а затем это повторили и его дружки. Боясь еще одной взбучки с Лешиной стороны, Глобус прострелил ему обе ноги, пока его приятели предавались сексуальным утехам с несчастной девушкой. Особое удовольствие состояло еще и в том, что Инну заставляли типа добровольно делать различные вещи, запугивая тем, что они продолжат избивать уже и так истерзанного до невозможности Алексея, а его – смотреть на происходящие на кровати бесчинства.

Продолжалось это несколько часов, параллельно пили пиво, а под конец надругались над Инной пивной бутылкой.

Глобус, как и положено законченным подонкам, с удовольствием назвал имена и адреса своих компаньонов, в обмен на обещание оставить его в живых.

– Не хотели мы их убивать, да и не убивали! Не надо было ему так сопротивляться – мы б только с бабой бы порезвились и все – пусть живут. Не она первая, не она последняя, – резюмировал свои извинения и оправдания Глобус, захлебываясь слезами.

– Ты – животное, садист, законченная тварь, – безразличным голосом проговорил Владимир: ты жестоко убил самых близких и дорогих мне людей. За это ты умрешь и будешь мучатся также как и они.

– Ты же обещал, – захныкал было Глобус, но видя как кляп снова приближается к его рту, стал орать во все горло «На помощь!»

Казнь Глобуса заняла почти полтора часа; Владимир был жесток, словно средневековый палач, но ничто не шевельнулось в его душе. Наказание соответствовало преступлению. Еще два он копал могилу, в которую бывший преступник отправился с перебитыми камнем коленями и локтями, раздробленными пальцами и пронзенной в окончание всего своим же ножом грудью.

Закопав все следы произошедшего, Владимир вымыл руки, оглядывая, не забыл ли он спрятать что-либо – вроде, нет. Небо понемногу светлело, скрывая крупные и яркие звезды – единственные и безмолвные свидетели казни убийцы.

«Где-то среди них мои друзья» – пронеслось в голове Владимира.

Он приехал домой, когда уже почти рассвело. Осторожно улегшись на кровать рядом с Татьяной, он провалился в черную пучину небытия. Там не было ни снов, ни чувств, не мыслей – ни единого проблеска чего бы то ни было. Но при этом его душа не почувствовала ни капли облегчения или удовлетворения – была проста чернота и пустота; позже Владимир поймет, что тогда он впервые ощутил и увидел изнанку мира, то, что начинаешь видеть, перейдя некую грань, вернуться из-за которой обратно уже невозможно.

Следующие несколько дней он прожил словно в аду. Ужасные мысли одолевали его и наваливающиеся, словно чудовищная лавина, страхи мучали снова и снова. Татьяна, не понимающая, что происходит с ее парнем, пыталась отвлечь его от тягостных медитаций; и лишь снова оказавшись в ее объятиях и занимаясь страстным животным сексом, Владимир переставал думать об убийстве Глобуса и всем остальном, что с этим было связано.

По правде говоря, он еще никогда в жизни так не боялся. Представлявшиеся ему картины были ужасны и невероятно реалистичны одновременно. Периодически ему начинало казаться, что бандиты – дружки почившего Глобуса – нашли его и устроили ему такие истязания, в сравнении с которыми произошедшее с лысым подонком следует воспринимать как акт высшего милосердия. Его били, рвали ногти, жгли огнем, отрывали куски его плоти – и спасения от этих мучений не было. Но еще хуже становилось от осознания того, что садистская злость этих уродов может выплеснуться еще и на ни в чем не повинную Татьяну, и не будет возможности спасти ее и избавить от страданий. От картин, которые с завидной подробностью вырисовывала его воспалённая фантазия, Володю передергивало физически.

На смену одному кошмару являлся другой: его нашла милиция, и он оказался в тюрьме. Памятуя рассказ одного из знакомых, побывавшем в этом «гостеприимном» заведении, Владимиру представлялась сырая и темная камера, переполненная сверх всякой меры зеками и зловониями смешавшихся застоялых запахов пота и мочи. Короткий сон по часам на кровати, на которой спят в три-четыре смены, постоянная опасность от сокамерников, которые давно очумели в неизбывной агрессии. И так секунда за секундой, час за часом – долгие годы, нет возможности выйти из этой клетки, нет возможности остаться хоть ненадолго наедине с самим собой, не находясь под пристальным взглядом внимательных и злых глаз, даже нет возмож-

ности справить нужду в более-менее комфортной обстановке; вши, блохи, целая коллекция различных зараз и постоянные склоки и драки, оставляющие различные следы на и без того изможденном теле и сходящем с ума мозге.

Унять свою панику Владимиру удавалось с большим трудом; отогнав страшные мысли, он вспоминал загородный домик, истерзанные тела своих друзей – страх перед любыми последствиями тупился, словно нож о камень. Милиция работать, судя по всему, напрочь не хотела или боялась за собственные шкуры; и ублюдки, убившие Алексея и Инну, могли еще долго топтать землю и коптить небо. Разве стоило из-за собственных страхов позволить им спокойно жить дальше и, возможно, сотворить подобные злодеяния с кем-то еще?! Праведная злость закипала в нем, вытесняя остальные эмоции, и на какое-то время страхи оставляли его.

Даже во сне Владимир не мог найти покоя; один раз ему приснилось, что он оказался на Страшном Суде перед Богом, и за сотворённое с Глобусом он был отправлен в ад – в вечность огня и боли. И вот, он уже падает в бесконечно глубокую раскаленную расщелину, стоны, крики и искаженные от страданий лица грешников пролетают со всех сторон. Он опускает взгляд вниз – туда, куда его влечет сила тяготения и видит под собой реку расплавленной лавы, в которой уже извиваются в конвульсиях какие-то фигурки… Тогда проснулся не только он, а от его крика проснулась и спавшая рядом Таня…

Прошло несколько дней; но какие долгие это были дни! Владимир посерел лицом от своих мыслей и бесконечных перекуров; на улицу он не выходил, решив пока отсидеться дома. Постепенно, его сознание адаптировалось к новой реальности, реальности в которой любой из дней его нормальной, совсем еще недавно обычной жизни, мог стать последним. Страхи постепенно отпустили его, и им на смену пришла жесткая уверенность в правильности сделанного шага и необходимости дальнейшего возмездия.

Отыскать двух других убийц уже будет не сложно, благо Глобус перед своим уходом в мир иной проявил чудеса правдивости и красноречия, выдав своих подельников с потрохами за обещание сохранить ему жизнь.

Чуть больше, чем через неделю, вслед за Глобусом последовал и второй браток – Цыба. Владимир отыскал его также около подъезда дома и четырьмя выстрелами из глобусовского пистолета отправил к праотцам. Воздать должное Цыбе по полной программе не получилось, поскольку Владимир опасался быть замеченным, но вместе с тем, перед громкими хлопками, поставившими на существовании бандюка жирную точку, он успел сказать ему о причинах мести и увидеть в глазах своей жертвы страх трусливой обреченной скотины. И именно это обстоятельство делало поступок Владимира, как ему самому казалось, не простым убийством, а именно отмщением.

На этот раз переживаний было значительно меньше, Владимир гулял вечерами, наслаждаясь свежим воздухом, с аппетитом ел. Татьяна явно радовалась перемене в настроении любимого, перестала задавать вопрос «Что случилось?» и ему не приходилось отмалчиваться, отводя взгляд.

Но неизменным осталось то, что боль и пустота от потери своего лучшего друга не уменьшилась, а лишь немного притупилась от времени.

Думая об этом, молодой человек стал понимать, что месть не уняла эту боль – и вряд ли что-либо в этом мире на это способно, а стала лишь выходом его личных негативных эмоций – ярости и злости. И, к сожалению, ни его ненависть, ни его любовь, ни месть, ни смерть убийц друзей не могут сделать самого главного – вернуть тех, кто умер слишком рано. Тем, кто остался на этом свете дано право выбора, что делать с врагами и обидчиками, но, думая об ушедших навсегда близких, остается только принять то, что дальше – вся оставшаяся жизнь – будет прожита без них. И ничто этого не изменит… И месть никогда не будет лекарством от душевной боли…

Минуло еще несколько дней, и Володя решил все-таки завершить свой план возмездия. Но операция по ликвидации третьего бандита – владельца того самого черного Мерседеса – оказалась значительно сложнее. Около дома с нужным адресом Владимир простоял две ночи подряд – и толку никакого не было.

Знакомого Мерседеса нигде не было видно, да и пешком преступник приходить домой к себе не спешил. Владимир хорошо помнил лицо этого подонка – того самого, который велел ему убираться подобру-поздорову, пока покойный Цыба удерживал уже такого же покойного Глобуса. Из этой троицы самым старшим был остававшийся пока в живых Буран, или Глеб Бураненко. По словам Глобуса, именно Буран планировал все совершаемые ими злодеяния, которые выполнялись по заказу, а случайные – как, например, с Лешой и Инной в целом не поддерживал, хотя и принимал в них самое активное участие.

Часы показывали начало третьего, и Владимир уже собирался признать и сегодняшнюю ночь охоты неудачной, если бы к нужному подъезду торопливым шагом не приблизился бы плохо различимый в темноте силуэт. Охотник даже прищурил глаза, чтобы максимально сфокусировать свое зрение, и увиденное заставило его сердечную систему взвинтить ритм работы – это был Буран, вне всяких сомнений. Проблема была в другом – от машины, в которой сидел Владимир, до его очередной жертвы было не менее тридцати метров, большая часть из которых пролегала по освещенному фонарями участку, и пробежать это расстояние незамеченным было практически нереально.

Буран не торопился заходить домой, а почему-то, озираясь, стоял и нервно курил. «Наверно еще кого-то убили» – подумал Володя, также затягиваясь сигаретой и глядя на свою потенциальную жертву: «Но ничего, конец этому уже близок».

Бандит сделал пару шагов в сторону подъездной двери, но потом, отчего-то передумав, развернулся и пошел в сторону скверика в сторону от жилого дома. Там было явно темнее, и к тому же к лесопосадке вел единственный мостик, что лишало бандита возможности для маневра. Передернув затвор изъятого у Глобуса пистолета, Владимир вышел из автомашины и направился вслед за Бураном, стараясь оставаться в тени.

Быстро расправляться с последним своим обидчиком Володя не планировал – Буран принимал очень активное участие в изнасиловании Инны, и за это должен был расплатиться сполна. Что именно он будет делать с насильником он еще окончательно не решил – но на это у него будет достаточно времени, когда тот окажется в его полном распоряжении. До мостика оставалось примерно метров сорок – сорок пять, и Владимир увидел, как Буран вошел на покосившееся от времени хлипкое архитектурное сооружение. Стараясь быть незамеченным и не упустить злодея из вида, он прибавил шагу. Впереди в пяти-семи шагах росло старое дерево с толстенным стволом, за которым можно было спокойно спрятаться и посмотреть, куда дальше направиться Буран. Перейдя на бег, Володя почти впечатался в грубую и шершавую кору дерева-старожила. Успокоив чуть сбившееся от избытка адреналина дыхание, он стал обходить ствол справа; вот уже в поле его зрения показался мостик… И в ту же секунду, словно материализовавшись из воздуха, перед его глазами возник огромный кулак и тут же впечатался в его челюсть. Картинка померкла и звуки исчезли; это был нокаут.

Следующим отчетливым, но коротким его воспоминанием было пребывание в мчащейся куда-то машине. Он сидел по центру на заднем сиденье, а по бокам своими могучими плечами подпирали два здоровяка с небритыми лицами. Когда зрение окончательно сфокусировалось, он увидел, что на переднем пассажирском сиденье, давая команды водителю куда ехать, сидит – нет, не Буран, а очень похожий на него человек. Заметив движение на заднем сиденье, бандит повернулся к нему:

– Ну, привет, дружок!

Владимир дернулся вперед, желая любой ценой придушить ублюдка, но две мощные руки с обеих сторон не позволили ему даже привстать. Он повернул голову в сторону одного из своих

пленителей, пытаясь прикинуть, как можно вырваться, но тут же снова провалился в забытье, получив увесистый удар головой в переносицу.

Открыв глаза вновь, Володя обнаружил себя привязанным к стулу. Куртки на нем не было, ровно, как и пистолета Глобуса, в голове шумело, и очень сильно болела переносица.

– Ну че, очухался? – яркий свет ударил ему прямо в глаза, заставляя инстинктивно щурится.

Говорящий, насладившись произведенным эффектом, опустил купол настольной лампы и вышел из-за стола, перед которым находился привязанный пленник. Звонкая оплеуха эхом отозвалась в помещении, и в ушах Володи:

– Ты кто такой? На кого работаешь?

Владимир тряхнул головой; поток мыслей стал понемногу возобновляться. Голос вопрошающего не принадлежал явно похожему на Бурана, и не самому Бурану; этот был более скрипучим и его обладатель был явно старше. Он разглядел простой письменный стол, на котором в свете лампы лежали его документы и пистолет. За столом – у стены стояли два огромных каменных изваяния – те самые здоровяки, которые ехали рядом с ним. Судя по голосам сзади, в помещении находился кто-то еще, но их не было видно. Само помещение было чем-то типа подвала – бетонные, ничем не покрытые стены, такая же бетонная колонна чуть слева от него. Левый край подвала терялся в темноте, поэтому определить его истинные размеры было невозможно.

Владимир поднял голову, пытаясь разглядеть лицо своего собеседника. Тому было явно за сорок, маленькая голова, редкие волосы – этого бандита он не знал.

Бандита! Точно, он попался! Теперь бандюки разорвут его, и это будет еще хуже, чем представлялось в самых жутких кошмарах. Страх заполнил его тело и сознание; он попытался пошевелить руками, но путы были слишком крепки. Нет, шансов уйти отсюда живым у него не было, ни единого шанса. И именно эта мысль о собственной обреченности прогнала волну липкого и противного ужаса за собственную шкуру, уступив место какому-то подобию веселья:

– Да убивай, тварь, в аду с тобой увидимся.

На этот раз удары посыпались с разных сторон, заставив померкнуть свет. Старый бандит раз за разом задавал одни и те же вопросы: «Кто нанял», «На кого работаешь», «Кто такой». Для пленника они имели никакого смысла, и он отвечал также односложно «никто», «на себя», и «конь в пальто». Вопросы и удары чередовались с заданной последовательностью, тело ныло все сильнее и сильнее.

Поняв, видимо, тщетность своих попыток, «старый» процедил:

– Ну и хрен с тобой, щенок, скоро сдохнешь. Хотя, – продолжил он после короткой паузы, – тебе повезло: перед смертью увидишь вора в законе, и приговор тебе вынесет он.

Прошло около получаса; Владимира словно забыли: его никто не бил, никто и ничего не спрашивал. Два качка продолжали неподвижно стоять, словно изваяния, сзади кто-то о чем-то шептался.

Оставшись ненадолго наедине со своими мыслями, Владимир думал о том, как его будут убивать; били его достаточно сильно, но даже мыслей просить своих мучителей о пощаде у него не возникало. «Надеюсь, умру я тоже достойно» – это мысль была словно знамя его несломленного духа, и сейчас только она была главной и имевшей хоть какое-то значение.

Раздался скрип открывающейся металлической двери и стук шагов многих пар ног.

За стол перед ним сел человек в светлом костюме, но ни черт лица, ни чего бы то ни было – разглядеть Володя не мог. Рядом со столом по обеим сторонам появились еще какие-то люди – большинство из них было одето в костюмы, некоторые в короткие кожаные куртки; все вопросительно рассматривали его.

– Клещ, включи ты свет, а то у тебя тут как в ментовке, – скомандовал сидящий за столом.

Кто-то за спиной щелкнул несколькими выключателями, и подвал наполнился светом многих электрических лампочек. Рядом с сидящим за столом появился старый бандит, отвешивавший Володе оплеухи.

– Знаешь кто я? – поинтересовался мужчина за столом.

– Бандит, – с вызовом ответил Володя.

– Вот как?! А ты нет что ли? – искренне удивился его собеседник: Я – вор в законе, Рыбак. Слышал о таком?

– Нет.

Рыбак вышел из-за стола и встал прямо перед пленником. Он был высок и сухощав, ему было не меньше лет пятидесяти, и его взгляд источал угрозу. Владимир раньше никогда не видел такого взгляда – его глаза были колючими и бесчувственными одновременно, они сверлили и заглядывали внутрь, против воли внушая страх.

– На кого ты работаешь, щенок?! – сквозь зубы процедил Рыбак.

– Ни на кого, – отрешенно ответил Владимир.

– Он и тебе такие же басни пел, Клещ? – обратился вор к бандиту, избивавшего пленника.

– Да, – усмехнулся тот в ответ.

Вор снова повернулся к привязанному на стуле молодому человеку:

– Ты знаешь, что с тобой будет? Я могу сделать так, что ты умрешь быстро и безболезненно, а могу поспособствовать тому, что смерть будет приходить к тебе долго и мучительно. Скажем, дней пять. Ты убил моих людей – Цыбу и Глобуса, охотился на Бурана, и хочешь сказать, что все это просто случайность? Они работали вместе, и почти все вместе отправились под землю. Кто тебя нанял и почему надо было убить именно их?

Зачем было молчать? В любом случае его ждет конец, так лучше быть до конца честным и правильным, пусть знают, за что сдохли два подонка, а то они и в правду думают, что это происки конкурирующей фирмы.

– Они убили моего друга и его девушку, а ее еще и насиловали.

Дальше Володя с известными ему от Глобуса подробностями поведал об убийстве Алексея и Инны, и также с подробностями о казнях Глобуса и Цыбы.

Вся кодла преступников слушала его не перебивая.

– Клещ, кто у тебя там в Монино по ментовской есть? Узнай, правда ли то, что этот щенок лапочет, – скомандовал Рыбак.

Клещ ушел и, вернувшись через некоторое время, коротко отчитался:

– Сходится.

Вор разразился гневной тирадой, но то, что она была гневная, Владимир понял лишь по интонации, и тому, что его претензии были адресованы нескольким, судя по всему, его подчиненным. Слова, которые он говорил, были по большей части ему непонятны, словно он говорил на каком-то иностранном языке. Рыбак распорядился, чтобы к нему привели Бурана, не рассказывая у сути предстоящего разговора. Володю тем временем, также по приказу главного в банде развязали, и он смог размять затекшие от пут руки.

Пока ждали Бурана, вор расспрашивал у Володи, как ему удалось найти обидчиков, почему он не доверил свое кровное дело милиции; голос его изменился, стал сдержанным и спокойным. Он даже предложил своему гостю покурить и угостил собственными сигаретами. В разговоре Рыбак подчеркнул, что ни он, ни его люди не являются отморозками просто так убивающими людей и насилующими женщин для развлечения, и, что если все до конца окажется правдой, Володю отпустят восвояси. Слабая надежда забрезжила в его душе, но сознание отказывалось верить в нее.

Буран появился достаточно быстро. Пройдя мимо окровавленного Владимира, он прямиком подошел к Рыбаку, протягивая ему руку:

– Здорово, Рыбак! Здорово, братва!

– Узнаешь этого паренька? – не протягивая руки, ответил вор.

Заподозрив неладное, он принялся рассматривать избитого пленника.

– Да нет, вроде, не узнаю, хотя рожа и знакомая, кажется.

– Ну, а ты что ответишь?

– Да, это он. Он велел мне проваливать, когда Глобус наставил ствол. И это он насиловал Инну и…

– Да врет он все, – нервно усмехнулся Буран: вспоминаю, пуганул Глобус этого сосунка, а никакой бабы мы не трогали и никого не убивали.

– А то, что ноги у трупа из «Макара» простреляны, как Глобус твой любимый делал, и Мерс твой там видели, что на это скажешь? А коли я ментам ствол вместе с тобой сдам, и поедешь ты по полной катушке, а?

Буран затрясся всем телом и упал на колени перед столом, за которым восседал вор:

– Рыбак, пожалуйста, прости, бес попутал. Глобус виноват во всем, это он их приметил, баба ему понравилась! Рыбак, прости, не убивай, прошу!

Старый вор брезгливо оттолкнул молящего о прощении бандита ладонью в лицо, отчего тот отлетел под самые ноги Владимира.

– Я такое говно трогать не буду, он тебя рассчитает, – указал он пальцем на молодого человека: он и Цыбу и Глобуса твоего порешил, и поделом. Так что не бухает нигде твой лысый отморозок, а в сырой земле лежит! А ты, молодой, – тяжелый взгляд упал на Володю: делай с ним чего хочешь, но своими ногами отсюда уйдет только один из вас.

Буран услышав решение вора, поднялся на ноги и приготовился к сражению со своим оппонентом. Он, подобно загнанному в угол зверю оглядел стоявших в помещении уголовников, натыкаясь на их жесткие, не сочувствующие ему взгляды.

Володя едва поверил своим ушам: все, что происходило с ним последние несколько часов напоминало какую-то нелепую и гротескную сказку, а сейчас и вовсе становилось явным фарсом. Он посмотрел на восседавшего за столом старого уголовника, на Бурана, который переминался с ноги на ногу и сверлил его полным ненависти взглядом: «что ж, это лучше, чем сдохнуть от побоев и мучений». Он встал со стула; в голове шумело, тело ныло от полученных недавно ударов, но реальная возможность расправиться с обидчиком придавала сил и решимости. Сделав пару шагов навстречу своему визави, Владимир нанес прямой удар ногой, стараясь сделать это максимально быстро и резко.

Завязался поединок, который должен был стать для одного из участников последним в жизни. Буран драться явно умел; лишь немногие удары доходили до его туловища или лица, да и то – не в полной мере, по касательной.

С каждой секундой сил у Владимира оставалось все меньше и меньше – сам он пропустил несколько увесистых ударов, от пары из которых повалился на холодный бетонный пол. Его соперник пытался воспользоваться обоими шансами и добить его, но удача была не на его стороне, и Володя чудом спасался от его «добиваний». Шансы на победу стремительно таяли – хотя наш герой и не верил ни в победу, ни в свои шансы уйти из этого подвала живым. И вот в какое-то мгновение эта мысль пронзила его мозг словно электрическим током: ему совершенно нечего терять, в любом случае он – труп. И единственной разницей как покинуть этот мир будет только одно обстоятельство: сможет ли он взять себе в провожатые в царство Аида убийцу-Бурана.

Удивительное спокойствие наполнило все его существо; он едва – одними краями губ улыбнулся своему противнику и градом ударов осыпался на его тело. Владимир бил, что было сил, руками, ногами, не замечая, куда он попадает. Проходили минуты, часы – а именно так ему и казалось, тело едва слушалось и уже почти не дышало, но он продолжал бить. И вот на гране замутненного сознания, сквозь муть, застилающую глаза, он видит, что его противник уже лежит на полу, руки раскинуты в стороны, а он продолжает наносить удары. А потом он

переносит дрожащие от напряжения руки на горло поверженного противника и мертвой хваткой сцепляет пальцы.

…Когда все заканчивается, он валится рядом с убитым им бандитом и с его губ срывается: «Теперь я готов».

Сознание ненадолго возвращается к нему короткими и размытыми эпизодами: салон автомашины, лица братков, дверь в квартиру его родителей…

Он очнулся только на следующий вечер; в комнате стоял уже успевший позабыться запах перегара и пота – это на соседней кровати мирно храпел его отец. Володя попытался подняться с кровати – все тело нестерпимо болело. Превозмогая неприятные ощущения, он добрел до ванной и всполоснул лицо прохладной водой. На кухне продолжалась перманентная пьянка, и, судя по нетрезвому голосу своей матери, он понял, что она спорит с кем-то из своих собутыльников или собутыльниц. Не прощаясь, он вышел из квартиры. Оставалось только поймать такси, поскольку сил добираться на общественном транспорте не было, и ехать к Татьяне.

В скором времени у них состоялся серьезный разговор, отговорки и отмалчивания результата не принесли – ее это решительно не устраивало, и Владимир рассказал своей девушку всю правду. Она слушала его внимательно, не перебивая и не переспрашивая; услышанное шокировало и пугало ее. Когда исповедь подошла к концу, Владимир спросил ее:

– Ты сможешь теперь со мной жить?

– Будем жить, как жили, – после некоторых раздумий ответила Таня.

ГЛАВА 6. ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Владимир проснулся в холодном поту. Сон, вернувший его в страшные события его прежней жизни, был как всегда ярок и реалистичен. У некоторых людей есть «свой» кошмар, который время от времени снится, каждый раз точь-в-точь повторяясь. Это неприятное ночное сновидение было его личным персональным кошмаром, который преследовал его многие годы. Не то, чтобы он снился ему слишком часто – последний раз это случилось года три, а может и все пять лет назад, и вот сейчас – после вчерашней встречей с Татьяной. Но, как и во все предыдущие разы произведенный эффект заставил вздрогнуть всю нервную систему.

Открыв глаза, в первые несколько секунд пробуждения, Серов не смог понять, где он и, самое главное, «когда» он. Первое, что он увидел – была скомканная и насквозь мокрая наволочка от подушки; узоры на ней показались ему слишком похожими на те, которые украшали его постельное белье во времена приснившихся событий. Странным и неестественным показалось и отсутствие Татьяны рядом с ним в постели. И только когда глаза привыкли к окружавшей его ночной темноте, и смогли различить очертания стен и мебели в комнате, ориентация к нему вернулась. Старый страх быть посаженным в тюрьму за убийство ублюдков, когда-то терзавший его, на мгновение уколол ледяной иглой в сердце, но тут же отступил.

Вернувшие себе позиции логика и здравый смысл уверенно заявляли ему, что Татьяна в этой квартире никогда не жила, а их брак уже давно стал частью истории. И несмотря на всю правильность и логичность этих мыслей, щемящее чувство одиночества почему-то не оставляло его. Уже давно забытая душевная рана от расставания с ней снова давала о себе знать. Как же ее сейчас ему не хватало! Несмотря на все проблемы и взаимные упреки, разрушавшие их семью, в их совместной жизни и отношениях было что-то такое, что никогда уже не повторится ни с одной другой женщиной. То, как она понимала его с полуслова, то какая нежность переполняла его сердце от прикосновения их рук… Увы, все это стало лишь воспоминанием. Он понимал, что даже если бы какое-то волшебство перенесло Таню к нему в эту же секунду, и если бы он смог найти самые мудрые и правильные слова, чтобы рассказать, как ее не хватает и как жаль их любовь, и даже если бы она это услышала сердцем и поняла умом… то все равно бы это ничего не изменило. Их линии жизни разошлись уже слишком далеко, чтобы снова слиться в одну.

Раньше бы – пару лет назад – он непременно позвонил бы ей в подобной ситуации, а может, и сорвался бы к ней домой. Все-таки, они не скупились на душевную теплоту друг для друга и после расставания, и бывало несколько раз, что с утра они просыпались в объятиях друг друга. Но, и этот страстный и неожиданный секс ничего не менял – вставая из постели они снова становились «бывшими»…

А сейчас все изменилось – у нее своя жизнь, у него – своя. Все уже в прошлом.

Владимир прошел на кухню и заварил себе чай. Пока он потягивал горячий напиток, остатки ночного кошмара и вызванных им эмоций понемногу оставляли его. Когда кружка опустела, он был почти в норме. Часы показывали лишь начало пятого, и следовало пойти поспать еще – для подъема было еще слишком рано. Повинуясь зову логики, Владимир лег на бок и закрыл глаза.

Но если бы в этот момент кто-то спросил его, что же в жизни главное, то смог бы услышать уверенный ответ: Любовь, не потерять любимого человека, удержать его рядом, несмотря на все невзгоды и неурядицы, оберегать и любить. Никакие успехи в карьере, деньги и достижения не стоят того, чтобы потерять взаимную любовь…

* * *

Есть такая пословица – «что было, то прошло». И эта народная мудрость применима к жизни любого человека; иногда человек живет только воспоминаниями, светлыми и теплыми, не желая видеть серость окружающего его мира, иногда бывает такое прошлое, которое хочется поскорее забыть. Забыть безвозвратно, так, как будто все эти события были вовсе не с тобой.

Но иногда бывает, что прошлое и настоящее настолько отличны, что с первого взгляда может показаться, что речь идет о двух совершенно разных людях, а не об одном. Словно там, в прошлом была совершенно другая жизнь. Хорошая или плохая? – не важно, она была другая настолько же, насколько ласковый поцелуй матери отличается от яростного укуса кровожадного хищника. Другая жизнь… Иногда даже самому не верится, что все это было с тобой…

* * *

…Владимиру самому с трудом вверилось, что чудовищная история с убийством Алексея и Инны и его последующей местью закончилась и канула в лету. То, что он остался жив после пребывания в застенках у братвы, казалось ему вообще неправдоподобным везением, еще более невероятным, чем хэппи-энд в новомодных голливудских фильмах.

Тем не менее, он по-прежнему чувствовал себя несколько неуютно – он убил трех человек, и, хотя умом он понимал, что бандиты никогда в жизни не побегут сообщать об этом в милицию, что-то внутри него продолжало изредка ощущать легкие уколы страха. В остальном же он чувствовал себя очень даже хорошо: свои поступки он считал полностью справедливыми и оправданными, совместная жизнь с Татьяной радовала его день ото дня. И это тоже было похоже на сказку, но исключительно хорошую и добрую: его дома всегда ждала любимая и любящая девушка, самая красивая, самая ласковая, самая добрая, самая обаятельная и самая сексуальная на всей планете. После состоявшегося между ними откровенного разговора, из которого Татьяна узнала о наказании, постигшем убийц ее брата, отношения между ними если и изменились, то только в лучшую сторону. Удивительно, насколько безгранична, бездонна и непонятна душа любящей женщины! Татьяна смогла принять жестокую и чудовищную правду, и принять Владимира, со всеми его грехами и доблестями.

Сам же Владимир всерьез задумывался о том, чтобы жениться на своей любимой. Жизнь сама расставила все по местам, и никаких других проверок их отношениям не было нужно. В том, что она – именно та, единственная и неповторимая, серьезная и драгоценная женщина в его жизни – он ни капли не сомневался. Останавливало его от предложения руки и сердца лишь одно неприятное жизненное обстоятельство – нехватка, а точнее почти полное отсутствие денег. Компьютерная фирма, созданная Алексеем, медленно, но верно без него чахла, а сейчас уже и вовсе дышала на ладан. Попытки хоть как-то выправить положение дел, предпринятые Володей, были безуспешными и лишь отсрочивали печальный итог ее недолгого существования.

Радовало его то, что возможностей заработать денег сейчас было предостаточно – «подняться» можно было довольно легко, был бы ум, да немного удачи. Поскольку финансовые трудности напоминали о себе каждый божий день, он решил, что дальше медлить не стоит. Вооружившись газетой с бесчисленными предложениями выгодной работы, Володя погрузился в изучение рынка труда. Предлагаемые варианты были один заманчивее другого: график работы приемлемый, зарплата – ого-го! – в общем, глаза разбегались и куда податься было непростым решением.

Однако, посетив пару-тройку потенциальных работодателей, он несколько опечалился – написанное в газете отличалось от услышанного им на собеседовании, а увиденное в офисе, в свою очередь, ставило под сомнения и то, что озвучивалось на собеседовании. После полученной первой дозы разочарования, к особо радужным объявлениям о работе он стал отно-

ситься с неким скепсисом, отсеивая их изначально как обман. Но и предложения «второго сорта» на поверку личным визитом оказывались также не столь радужными.

Через полторы недели безуспешного поиска подходящей работы, Владимир приуныл. Пессимизма добавляло и то обстоятельство, что компьютерная фирма хоть принесла ему небольшой доход, однако, эти деньги были, по всей видимости, лебединой песней организации, а молодой семье их едва хватило бы на месяц.

Прикурив сигарету, Владимир шел, погруженный в свои грустные мысли, от метро в сторону своего дома. На улице было хорошо – вечер едва начинался, легкий приятный ветер ласково трепал волосы. Назойливая спешка рабочего дня мегаполиса сошла на нет, и, как казалось, прохожие, также не спеша, как и он, направляются к своим домашним очагам и голубым экранам.

Незаметно знакомый маршрут привел его в ставший уже родным двор. Когда до дверей подъезда оставалось не более десяти метров, незнакомый голос окликнул его по имени. Обернувшись и увидев того, кто его позвал, Владимир замер; под ложечкой предательски засосало. Неприметно под раскидистыми ветвями дворовых дверей стояла темно-серая BMW, а рядом с ней, оперевшись на открытую водительскую дверь – молодой мужчина. Лицо его было Владимиру не знакомо, но, судя по дорогому автомобилю, догадаться о том, к каким кругам принадлежит его владелец было несложно. Бежать было бы глупо – глупо, прежде всего, по причине своей бесполезности – уж если к нему приехали один раз, то при необходимости приедут и во второй, и в третий.

На почти негнущихся ногах он подошел к незнакомцу.

– Привет, Володя, – поприветствовал его незнакомец: я от Рыбака, есть к тебе разговор. Садись в машину.

Владимир расположился на предложенном ему переднем пассажирском сиденье. Против его опасений на заднем диване никого не оказалось. Хозяин машины сел за руль.

– Я – Александр, Шорох. Ты меня не знаешь, и вряд ли помнишь. Я был в подвале, когда ты разбирался с Бураном…

Начало разговора, собственно, как и личность собеседника в виду произошедших недавно событий внушали Владимиру обоснованные опасения. Вместе с тем, этот человек отличался от тех братков, которых ему приходилось видеть – его поведение не было вызывающим и пропитанным пренебрежением к людям. Напротив, вел он себя, как простой обычный человек, и если бы не дорогая одежда и BMW – отличий от среднестатистического прохожего не нашлось бы.

– Не думай, я никаких претензий к тебе не имею, эти сволочи получили по заслугам, никакой жалости или сострадания к таким у меня нет. А то, что ты сделал – настоящий мужской поступок. Ты же всех троих замочил, одного за другим, да?

– Да.

– И, кстати, приехал я к тебе по собственной инициативе, Рыбак к тебе не направлял. Ты, наверное, думаешь – «зачем же я тогда приехал?» – если уж не мстить за этих тварей. А я тебе так скажу: мне понравилось то, что ты не забил на свою проблему, и тварей этих все-таки вычислил и оприходовал. Это реально мужской и смелый поступок, и самое главное – правильный. Сейчас таких людей, как ты, к сожалению, становится все меньше и меньше; каждый сам за себя, моя хата с краю. И если надо, то и дружба забывается, и друзья, и клятвы предаются. Короче, ты мне глянулся, как человек. Отличаешься от общей массы. Я хочу предложить тебе работу. Как на это смотришь?

– Какую работу? – искренне удивился Владимир. Подобного развития событий он никак не ожидал и не предвидел: людей убивать?

– Да ты что! – усмехнулся Шорох: я не мясник. И считаю, что просто так человека убить нельзя, неправильно. За дело, как ты – это нормально, а по заказу работать и всех подряд валить – это не по мне. Работа заключается вот в чем…

Его собеседник был весьма молод – едва ли ему было больше тридцати. Среднего роста, крепкий, но не раскаченный; с жестким взглядом, в котором читалась полная уверенность в себе. При этом, как уже отметил про себя Владимир, Шорох не производил отталкивающего впечатления – скорее напротив, располагал к себе. Довершали картину немодные по нынешним временам короткие усы, которые, вместе с тем, на его лице смотрелись весьма органично.

Вкратце предложение Александра было таково – Владимир вместе с ним, а иногда один должен будет навещать раз в месяц объекты, которые находятся «под крышей» рыбаковской группировки и забирать деньги – ежемесячную дань. Ни в какие конфликты или разборки, которые, что хоть и весьма маловероятно, могут возникнуть на объекте, вступать он не должен. «Выбивание» долгов в случае отказа подопечного платить, или выяснение отношений с «конкурирующей фирмой», которая может оказаться на месте – не его дело. В подобном случае, Володя должен будет передать о возникновении подобных обстоятельств Шороху, а что будет дальше – его уже не касается. Также Александр-Шорох подчеркнул, что Глобус, Цыба, Буран и подобные им – не есть обычные, среднестатистические братки. Они – отбросы, нелюди, звери на двух ногах, а «нормальный пацан» такие вещи не совершает, и даже сама братва за подобные злодеяния может «порвать»… От принесенных с объекта денег, Владимир будет получать пять процентов – вне зависимости от принесенной суммы. Не последним фактором, повлиявшим на решение Шороха предложить ему работу, было, конечно же, наличие у Владимира навыков боевых искусств, так что в случае чего, постоять он за себя бы смог.

– Ну что скажешь? – поинтересовался бандит, закончив свой монолог.

Последовав его примеру, Владимир снова закурил, размышляя над услышанным.

– Имей в виду, что, если ты откажешься, никаких вопросов и претензий у меня не будет – просто забудем об этом разговоре и все – ты меня больше никогда не увидишь.

Александр, после получасового с ним общения, произвел на Владимира очень положительное впечатление, да и озвученное им предложение с доходом «тыщи полторы „бакинских“ в неделю» было более чем заманчивым.

– Я согласен, – ответил Владимир после минутного раздумья: когда приступать?

– Заеду завтра за тобой в десять утра, не проспи.

* * *

Прошел год.

Владимир вышел из подъезда и полной грудью вдохнул свежий теплый воздух. Часы показывали чуть больше 11 утра – успеет и по делам съездить, и в зал сходить, и домой вернется рано. За прошедший год он преобразился внешне – прическа из стандартной превратилась в модный короткий ежик, он стал шире в плечах, а взгляд приобрел цепкость и уверенность.

В ответ на короткое нажатие на кнопку брелка красная AUDI 100 приветливо мигнула ему фарами. Он купил эту машину три месяца назад на смену старым «Жигулям» и никак не мог нарадоваться своему приобретению. Несмотря на то, что машине было 5 лет, выглядела она так, словно вчера сошла с конвейера.

Он повернул ключи в замке зажигания, и двигатель отозвался своим ровным и мягким голосом. Управлять этим автомобилем было одно удовольствие – она прекрасно ускорялась и эффективно тормозила, ровно и предсказуемо проходила повороты, даже если несколько и переборщил со скоростью – в общем, красота.

Сегодня ему предстояло посетить два объекта – компьютерный салон и автосервис – оба были ему уже знакомы. Как узнал Владимир в процессе общения с Шорохом, весь город

был поделен на сферы влияния различных группировок – «бригад», и бригаде Рыбака принадлежала достаточно большая территория. Любой коммерсант, чей бизнес находился на земле, контролируемой бригадой Рыбака, должен был ежемесячно платить ему определенную сумму денег. Взамен братва гарантировала неприкосновенность его бизнеса и решение проблем с недобросовестными контрагентами, при необходимости. Часть коммерсантов относилась к оброку довольно лояльно – периодически приходилось просить свою крышу о помощи, и в этом случае проблема успешно решалась. Другая же часть относилась к «неофициальному налогу» явно негативно – бизнес шел успешно, без каких-либо негативных моментов и, соответственно, кормить дармоедов в кожаных куртках им не хотелось. Но, вне зависимости от своего мнения, все платили исправно, и сбоев в этом налаженном механизме практически не было.

Сперва Владимир решил заехать в компьютерный салон, директор которого относился к их клиентам второго типа. Когда-то они были фактически конкурентами Лешиной фирмы, но за последние полтора года развились очень и очень недурно. Примерно понимая размеры их оборота и дохода, Владимир еще при первой их встрече, состоявшейся почти год назад, оценил крайнее нежелание директора откидывать криминалитету хоть что-то. Проблем, к решению которых могла бы подключиться братва, у него не было, продавцы были инструктированы таким образом, что при любом удобном моменте старались обмануть простого покупателя – например, продать не новую модель компьютера как самый «последний шик». И на этой, не бросавшейся в глаза нечистоплотности, салон умудрялся получать неплохие деньги вдобавок к основному – честному доходу. Сказать, что директор – Арсений Петрович деньги любил – это не сказать ничего. Арсений Петрович деньги просто обожал, обожал, когда они доставались ему легко, а лучше еще – «просто так», при этом отдавать что-то и куда-то он патологически не хотел.

Добавьте к этому еще и то, что он был законченным трусом, но тех, кто находился ниже его по статусу, или был каким-либо образом зависим, всячески притеснял и унижал. Красивая девушка, работающая в его салоне, в обязательном порядке должна была побывать в его постели, а в случае несогласия с поступившим от шефа «выгодным» предложением могла быть моментально уволена без зарплаты. Показуха, апломб, вечная бравада, свойственные Арсению Петровичу, скрывали за собой сущность никчемного и отвратительного человечишки.

Припарковав свой автомобиль напротив центрального входа, Владимир по-хозяйски зашел внутрь. Пройдя просторный светлый зал, он направился к двери, надпись над которой посторонним входить сюда запрещала. Но на Владимира термин «посторонний» здесь не распространялся. Миновав короткий неосвещенный коридор, он попал в приемную, обставленную добротной стильной мебелью. За столом с большой полированной крышкой на изящном кресле восседала секретарша, а по совместительству и наложница директора. Судя по тому, что она приводила в порядок свою растрепанную прическу, совсем недавно ей пришлось выполнять свои дополнительные обязанности. Заметив не притормозившего перед ней гостя, она моментально вскочила со стула, пытаясь своим телом преградить путь в кабинет своего босса. Понимая, что маневр ей явно не удается, она замахала руками, словно стрелочница на железнодорожной развязке, параллельно выкрикивая:

– Туда нельзя! Руководитель занят!

Ее размалеванные ярко-красной помадой губы исказились от плохо скрываемой ненависти, когда Владимир, не обращая внимания на ее крики, прошел в кабинет директора так, словно это был его собственный. Естественно, она видела его уже не раз – Владимир заезжал уже почти целый год, ближе к середине месяца – и прекрасно знала и понимала, кто он такой и зачем является к ее шефу.

Этого молчаливого гостя она просто ненавидела – он никогда не обращал внимания ни на нее, ни на ее слова и запреты, хотя в фирме она была фактически на правах второго по значимости человека, и все ее побаивались. Кроме того, после каждого визита этого человека,

шеф пребывал в нервном настроении по три дня, прикладывался к бутылке, орал на всех подряд и трахал ее очень грубо. В эти дни в нем просыпались некоторые садистские замашки, которые он с заметным удовольствием реализовывал на ней.

Арсений Петрович явно был не готов к визиту Владимира – развалившись в кресле и закрыв глаза, он курил сигару. Рубашка на нем была расстегнута до самой груди, открывая взору его толстый лоснящийся живот. Концы брючного ремня двумя узкими языками свешивались по бокам его туловища, что довершало картину отвратительной расхлябанности.

– Привет, Арсюша, – возвратил его Владимир в реальный мир.

Увидев его, директор едва не упал на пол. Он положил, а точнее почти кинул сигару в пепельницу, спешно застегнул и заправил рубашку. Пока он производил данные манипуляции, лишние килограммы на его животе и боках тряслись мерзким холодцом. Приведя себя в порядок, Арсений Петрович вытер ладони о свои дорогие брюки, перед тем, как протянуть руку вошедшему.

За последнее время Владимир привык видеть страх в глазах тех, к кому он приходил, но в данном экземпляре это чувство зашкаливало.

– Здравствуйте, Владимир, здравствуйте! Очень рад вас видеть, – соврал Арсений Петрович: присаживайтесь. Чаю, кофейку?

Владимир сел на стол, проигнорировав протянутую ему руку. Именно к этому человеку он ощущал почти физическое отвращение, и прикасаться к нему не было никакого желания.

– Бабки давай.

– Ах ну да, ну да! – спохватился он и полез в один из ящиков своего стола.

Его руки чуть подрагивали, когда он протягивал своему гостю пачку стодолларовых купюр. Приняв ее, Владимир прошелестел ее боком, проверяя, чтобы внутри не было пустых листочков. При клиентах Владимир никогда не пересчитывал банкноты, предпочитая это делать без посторонних глаз, а лишь визуально проверял соответствие необходимой сумме.

Не прощаясь, он вышел из кабинета. Не успел он еще миновать коридор, ведущий в торговый зал, как до его слуха долетел раздраженный крик Арсения Петровича, адресованный своей секретарше: Лена-а!

Он грустно усмехнулся, представив то, что в ближайшее время будет происходить в кабинете владельца компьютерного салона.

Следующим пунктом в сегодняшнем маршруте Владимира был запланирован автосервис. Хозяев этого объекта он куда больше рад видеть, да и те, со своей стороны, платят положенный ежемесячный взнос куда охотнее.

– Здорово! – приветствовал Владимир трех мужчин, сидевших в небольшой неубранной комнате. Поздоровавшись с каждым из присутствующих за руку, он присоединился к их компании.

Прихлебывая предложенный ему крепкий чай и закусывая домашним печеньем, он разговорился с мужчинами.

– Ну че, как дела-то?

– Да нормально, путем все, – отвечал один из них – Андрей, который был одним из двух владельцев данного бизнеса: спасибо ребятам вашим, и Шороху в особенности. В позапрошлом месяце деньги нам не хотели за ремонт двух машин платить уроды какие-то. Ну, Саше позвонили, так деньги один из этих козлов на следующий же день привез. Так что спасибо вам, парни, большое, а Саше вообще огромное.

– Как машинка-то твоя, бегает? – поинтересовался второй владелец.

– Да, спасибо, очень доволен, хорошую вы мне машину посоветовали.

– Давай, пока заехал, ходовочку тебе проверим, движок. Ты сколько проехал? Масло не пора менять?

– Да тыщ шесть всего, рано еще. А так посмотрите – спокойнее будет.

Уезжал от них Владимир еще на десять тысяч долларов богаче и с очередным подтверждением того, что с машиной у него все просто идеально.

В целом, на сегодня его рабочий день был фактически закончен. Владимир не спеша ехал в сторону спортивного зала; настроение у него было под стать погоде – тепло, солнышко, голубое прозрачное небо высоко-высоко над головой. Городу шла такая погода, Москва словно преображалась, и трудно было не остановить взгляд на красоте улиц, украшенных свежей зеленой листвой, широких и узких дорожках… Он словно пребывал в некой медитации, наслаждаясь управлением автомобиля, видами вокруг себя, музыкой, льющейся из динамиков, погодой…

Вскоре за невысокими деревьями показалась крыша здания спортивного зала, принадлежавшего рыбаковской братве. Осмотрев площадку перед входом в здание, Владимир не увидел знакомой BMW – значит, Шорох еще не приехал.

Пройдя в раздевалку, он увидел трех здоровяков, переодевавшихся в дальнем углу. Заметив их взгляды, не выражавшие ровным счетом ничего хорошего, Володя стал переодеваться, оставаясь при этом весьма внимательным к недоброжелательной компании. Судя по тому, что ранее он их не видел, троица была «новобранцами» в криминальном бизнесе, попав в него благодаря своим внешним габаритам. Пока он переодевался, здоровяки о чем-то переговаривались, и, судя по тону и отдельным, доносившимся до него фразам, двое отговаривали своего приятеля от рискованного поступка: «Не лезь к нему…», «Это же Волчонок, он с Шорохом работает»… «Он «мокрушник», не лезь, не надо».

К сожалению, увещевания приятелей пользы не принесли, и со словами «да мне по х…», молодой человек размерами с полуторный шкаф направился прямиком к Серову. Владимир мельком увидел, каким угрожающим и решительным был его вид – надутая грудь, взгляд исподлобья, сжатые кулаки… И при это какими неуклюжими и «медвежьими» были его движения. Сомнений не было – парень «раскачался» до размеров похудевшего гризли, и возросшая масса мешала ему. Конечно, его удар по силе был, вероятно, словно попадание кузнечного молота, но скорость и амплитуда нанесения… Нет, в это схватке шансов у него ровным счетом не было. Подойдя к своему оппоненту, здоровяк дернул его за плечо:

– Эй, фраер, ты что ли Волчонок?

– Ну я, – ответил ему спокойный голос без каких-либо ноток сомнения.

Две пары глаз в противоположенном углу зала не моргая наблюдали за происходящим, ожидая развязки, которая в любом бы случае повергла бы их обладателей в глубочайшее удивление.

– Ну, тогда ща я тебя щенком делать буду, – прорычал верзила, одновременно замахиваясь огромным правым кулаком.

То, что видели в следующее мгновение наблюдатели, было похоже на битву Давида с Голиафом. Владимир коротким отработанным движением нанес нападавшему удар сложенными пальцами в шею, пока его рука еще делала исполинский замах. От пропущенного тычка великан содрогнулся и, схватившись обеими руками за горло, упал перед победителем на колени. Завершил короткую, но зрелищную битву хлесткий удар Владимира ладонью по уху стоявшего на коленях врага, от которого тот с тяжелым грохотом повалился на бок.

Наблюдавшие эти события товарищи поверженного «братка» пребывали в полушоковом состоянии, которое кратко резюмировалось как «Слухи про Шороха и Волчонка были правдой» и «Кабана уложили с двух ударов ладошкой».

– Че встали? Убирайте его! – вывел их из оцепенения резкий голос победителя.

Пока они тащили тяжелую бессознательную тушу к лавкам, Волчонок добавил: жить будет, но слышать хуже станет.

* * *

Спустя еще пару месяцев.

Следует упомянуть, что кроме эффективных и жестких приемов самообороны, которые сам Шорох познал в войсках специального назначения, он учил Серова еще ряду боевых премудростей – основы тактики, стрельба из пистолета, метание ножа, а также кое-чему еще. Волчонок, как окрестили Владимира в братве, был очень способным учеником – он усваивал новые навыки так, как будто они были им словно позабыты, а не открыты впервые. Получив в подарок от своего старшего товарища и наставника черный ПМ, Владимир упражнялся в стрельбе из него чуть ли не каждый день в тире, контролируемом рыбаковскими.

Поначалу лучше «семерки» – «восьмерки» с двадцати метров Владимир выбить не мог, но вскоре – очень вскоре – пули стали ложиться в десятку одна за другой. Следующим этапом стала стрельба в перемещениях и стрельба «навскидку» по мишеням «злодей – заложник». Здесь Волчонок удивил своего наставника – то, на что среднестатистическому человеку требовалось от полугода до года, новобранец освоил за четыре-пять месяцев.

В глазах повидавшего многое в своей жизни Александра, Володя был почти прирожденным воином, настолько насколько человек вообще мог быть к этому способен и «прирожден». И хотя брать его с собой на «стрелки» в планы Шороха изначально не входило, он решил изменить своему плану. Как он предполагал, на означенных встречах представителей криминалитета, и не всегда дружественных, Володя должен будет освоиться весьма быстро, и его ожидания не оказались напрасными.

Буквально с третьей стрелки Волчонок стал держаться уверенно и, если так можно сказать, профессионально. Он не лез на рожон, но отвечал и говорил уверенно, взгляд не тупил. Судя по направлению движения глаз своего подопечного, Шорох понимал, что тот смотрит на места наиболее вероятной дислокации огневых точек и снайперов, а также оценивает, где в случае чего наиболее безопасней будет укрыться.

Пока все стрелки, на которых присутствовал Волчонок, были в целом мирные, по крайней мере, стрельбы, раненых и убитых не было. И несмотря на это обстоятельство, Шорох был уверен, что и в боевой ситуации ученик не подведет, и, что особенно важно, у него будет много шансов выйти из подобной ситуации невредимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.